

Отклик на статью М.Ю. Мухина «Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги?»

Российская история. 2020. № 5. С. 3–14

В.В. Кондрашин

*Виктор Викторович Кондрашин, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра экономической истории Института российской истории РАН; 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.
E-mail: vikont37@yandex.ru*

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-1-180-184

Опубликованная в журнале «Российская история» статья М.Ю. Мухина с претенциозным названием «Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги?» оставляет тяжелое впечатление — автор проигнорировал аграрно-крестьянский аспект проблемы. Остается неясным, сделал ли он это намеренно, или, будучи исследователем отдельных аспектов нэпа, просто не владеет необходимой информацией, или не понимает научной значимости указанного важнейшего аспекта.

На наш взгляд, подобной ситуации не случилось бы, если бы Мухин назвал статью «Некоторые итоги столетнего изучения промышленности, торговли и других сфер экономики СССР в годы нэпа» или «К вопросу об итогах изучения важнейших аспектов нэпа отечественными исследователями». Хотя и в данном случае факт игнорирования зарубежной историографии (в статье упомянута лишь монография Л. Самуэльсона) и аграрно-крестьянской проблематики в целом выглядел бы, по меньшей мере, странным для статьи, помещенной на первых страницах ведущего российского академического журнала по истории России.

Думаю, что даже не профессиональным исследователям, а обычным любителям отечественной истории, среди которых немало читателей «Российской истории», из школьной программы известен факт, что нэп на завершающем этапе фронтовой Гражданской войны был введен прежде всего из-за проблем в сельском хозяйстве и деревне. И что же, в последующий период, до «слома нэпа», в советской деревне и аграрном секторе экономики не происходило ничего заслуживающего внимания исследователей?

«Анализ» работ советских историков на указанную тему автор статьи сводит к одной фразе: «Достаточно полно оказались освеще-

ны вопросы аграрной экономики» (с. 5). К ней дается одна ссылка на монографии Ю.А. Полякова (1967 года издания) и В.П. Данилова (1979 года издания). Но ведь кроме В.П. Данилова и Ю.А. Полякова аграрный аспект нэпа активно изучался и другими советскими историками (Н.Я. Гуциным, Ю.С. Кукушкиным и др.)! А после 1979 года разве В.П. Данилов и центр по аграрной истории Института истории СССР (Института российской истории РАН) ничего не сделали в области изучения советской деревни и сельского хозяйства СССР в годы нэпа, да и самого феномена нэпа?

Мухин в статье «отдельно» отмечает международный научный проект «Рабочий активизм в Советской России, 1918–1929» как «ценный опыт сотрудничества с зарубежными коллегами» (с. 8). Но почему-то несколько томов документов о положении в советской деревне в годы нэпа и в период его слома, об аграрной политике Советского государства в данный период, опубликованных под научным руководством В.П. Данилова в рамках международных проектов Института российской истории РАН «Крестьянская революция в России», «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД», «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание» с участием крупнейших западных исследователей советской истории, не вызвали его интереса. Они, что же — не «ценный вклад»? Или выполнены не на должном научном уровне? И поэтому их можно «забыть» в статье, озаглавленной «Сто лет изучения нэпа», содержащей указания автора на наиболее значимые достижения исследователей в данной области?

Наряду с вышеназванными М.Ю. Мухин не посчитал нужным отметить и другие документальные публикации, в том числе выполненные под руководством упомянутого в статье А.К. Соколова, а также крупнейших историков-аграрников России (сотрудников ИРИ РАН) В.В. Кабанова, Н.А. Ивницкого и др.: «Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1923–1927. Документы и материалы» (М., 1991); «Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг.» (М., 1997); «Письма во власть. 1917–1927» (М., 1998); «Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах» (М., 2001); ««Тянут с мужика последние жилы...»: налоговая политика в деревне (1928–1937 гг.): сборник документов и материалов» (М., 2007). Это далеко не полный список. В этом же ряду по непонятным причинам проигнорированный автором статьи пятитомный сборник документов «Как ломали нэп» (стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.), который также был подготовлен к печати В.П. Даниловым и наиболее авторитетным в настоящее время исследователем истории СССР сталинского периода О.В. Хлевнюком.

Таким образом, можно констатировать, что в «итоги столетнего изучения» не вошли важнейшие документальные издания эпохи «архивной революции» в СССР–России, посвященные нэпу, в том числе подготовленные сотрудниками Института российской истории РАН.

На наш взгляд, в «программной» «итоговой» статье о достижениях отечественной историографии не помешало бы вспомнить и о так называемой «бухаринской альтернативе» сталинской коллективизации, которую, анализируя феномен нэпа, обосновывал В.П. Данилов и поддержал один из основателей западного крестьяноведения Т. Шанин. Но об этом в статье — ни слова. Как и о продолжавшейся несколько лет в Московской высшей школе социальных и экономических наук дискуссии по актуальным проблемам крестьяноведения и истории России в рамках теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития» и междисциплинарного симпозиума «Куда идет Россия? / Пути России». В опубликованных материалах данных научных форумов содержится немало интересных суждений участников о нэпе и его судьбах, особенно с акцентом на аграрно-крестьянскую проблематику (см.: Современное крестьяноведение и аграрная история в XX веке / Под ред. В.В. Бабашкина. М., 2015).

Касаясь зарубежной историографии, можно было бы не ограничиваться одним, хотя и очень заслуженным, исследователем эпохи нэпа (Л. Самуэльсоном), а как минимум вспомнить и о других не менее авторитетных исследователях проблемы: например, о недавно ушедшем из жизни выдающемся знатоке советской истории С. Коэне (труды о Н.И. Бухарине), не менее крупном исследователе советской экономики периода нэпа Р.У. Дэвисе, М. Левине (изучавшем становление советской («сталинской») системы) и других.

Еще досаднее, что М.Ю. Мухин не заметил многочисленных монографических трудов российских и зарубежных исследователей (кроме уже названных) по аграрно-крестьянской проблематике нэпа, увидевших свет в последние десятилетия, особенно в российских регионах! Для них в его статье не нашлось места даже для одной фразы...

Вот лишь некоторые из них, известные широкому кругу специалистов и любителей истории: Анфимов А.М., Вылцан М.А. Кулак в российской деревне: миф и реальность // Новые страницы истории Отечества (Пенза, 1991); Селиванов А.М. Социально-политическое развитие российской деревни в годы НЭПа: историография, проблемы (Ярославль, 1994); Ибрагимова Д.Х. Нэп и перестройка: Массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку (М., 1997); Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века (М., 1997); Бокарев Ю.П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 1920-х годов как исторический источник (М., 1999); Поляков В.А. Голод в Поволжье, 1919–1925 гг.: происхождение, особенности, последствия (Волгоград, 2007); Есиков С.А. Российская деревня в годы нэпа: К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья) (М., 2010); Роголина Н.Л. Власть и аграрные реформы в России XX века (М, 2010); Вещева О.Н. Налоговая политика советского государства в деревне в период НЭПа (Самара, 1999);

Куренышев А.А. Крестьянство и его организации в первой трети XX века (М., 2000); Марискин О.И. Государево тягло: налогообложение крестьянства России во второй половине XIX — первой трети XX в.: (по материалам Среднего Поволжья) (Саранск, 2004); Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.) (Новосибирск, 2005); Чернышева А.В. Механизм государственного управления деревней в условиях нэпа: проблемы функционирования (М., 2005); Скрыпников А.В. Российская деревня в годы новой экономической политики: тенденции и противоречия социально-экономического развития российской деревни в условиях НЭПа (М.; Пенза, 2006); Саблин В.А. Экономика крестьянского двора на Европейском Севере России в 1920-е годы: (к проблеме модернизации аграрной подсистемы) (М.; Вологда, 2006); Бабашкин В.В. Россия в 1902–1935 гг. как аграрное общество: закономерности и особенности отечественной модернизации (М., 2007); Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. Очерки истории / Отв. ред. В.А. Ильиных (Новосибирск, 2008); Лебедева Л.В. Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920-е годы: традиции и перемены (М., 2009); Ильиных В.А. Хроники хлебного фронта. Заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири (М., 2010); Есикова М.М. Влияние землеустройства и агропропаганды на аграрную культуру России (1917 — начало 1930-х гг.) (на материалах Центрального Черноземья) (М., 2010); Панкова-Козочкина Т.В. Казачье-крестьянское самоуправление эпохи нэпа: проблемы модернизации властных отношений на Юге России в 1920-е годы (Новочеркасск, 2014); Yuzuru Taniuchi. The village Gathering in Russia in the Mid. 1920's. (Birmingham, 1968); Ким Чан Чжин. Государственная власть и кооперативное движение в России–СССР (1905–1930) (М., 1996); Markus Wehner. Bauernpolitik im proletarischen staat. Die bauernfrage als zentrales problem der sowjetischen innenpolitik. 1921–1928 (Köln, 1998); Капустян А.Т. Украинское крестьянство и власть в первые годы нэпа // Отечественная история. 2001. № 5. С. 165–173; Асаока Д. Советская власть и крестьянство: идея «рабоче-крестьянского союза» // Российская революция и век СССР: В 5 т. Т. 2. Сталинизм как цивилизация (Токио, 2017. С. 3–43, на японском языке); Окуда Х. К вопросу о предпосылках коллективизации: настроения работников низовых партийных и советских структур в период нэпа // Российская история. 2018. № 4. С. 14–16 и многие другие.

Автор статьи об «итогах изучения нэпа», видимо, не счел важными и материалы многочисленных сессий по аграрной истории Восточной Европы, в ходе которых период нэпа всегда обсуждался их участниками, в том числе сотрудниками ИРИ РАН. Например, об этом шла речь и на последней, XXXVII сессии Симпозиума, состоявшейся 22–25 сентября 2020 года в Воронеже, сопредседателем которой был автор настоящего письма.

В заключительной части статьи, где автор перечисляет, по его мнению, перечень наиболее перспективных тем, аграрно-крестьянская тематика снова отсутствует. Что это значит? Все уже ясно? Или «мужику» уже не место в академической истории?

Эмоциональный стиль настоящей заметки был бы невозможен, если бы в начале статьи или в ее конце автор как-то объяснил свою позицию по данному вопросу. Но он этого не сделал. Это письмо появилось как протест против игнорирования в крестьянской стране, каковой в период нэпа являлась Россия, крестьянства, а также против незаслуженного забвения достижений российских и зарубежных исследователей данного ключевого аспекта истории России первой половины XX века.

**Response to the article by M.Yu. Mukhina “A hundred years of the NEP studies. Is it time to make conclusions?”
Russian History. 2020. No 5. P. 3–14.**

Viktor V. Kondrashin, DSc (History), Chief Researcher, Head of the Center for Economic History, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; 117292, Moscow, Dmitry Ulyanov St., 19. E-mail: vikont37@yandex.ru